

Василий Жуковский

# Разрушение Трои



, 0101

FB2: Василий Жуковский, 29.4.2016, version 1.0

UUID: f85121a8-6934-11e6-9614-0cc47a545a1e

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Василий Андреевич Жуковский

# Разрушение Трои

**Василий Андреевич  
Жуковский  
РАЗРУШЕНИЕ ТРОИ**

# Из «Энеиды» **Виргилия**

*Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.*

*С ложа высокого так начинается  
Эней-прародитель:*

*«О царица, велишь обновить  
несказанное горе:*

*Как погибла Троя, как Приамово  
царство*

*Греки низринули, все, чему я плачевный свидетель,*

*Все, чего я был главная часть...  
повествуя об этом,*

*Кто – мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса —*

*Слез не прольет! Но влажная ночь  
уже низлетела*

*С тихого неба; ко сну приглашают  
сходящие звезды.*

*Если ж толь сильно желание слышать  
о наших страданиях,*

*Слышать о страшном последнем  
часе разрушенной Трои, —*

*Сколь ни тяжело душе вспоминать  
о бедах толь великих,*

*Я повинуюсь. Войной утомленны,  
отверженны роком,*

Столько напрасно утративши  
лет, полководцы данаев  
Хитрым искусством небесной  
Паллады коня сотворили,  
Дивно-огромного, плотные ребра  
из крепкия сосны,  
В жертву богам при отплытии  
(так молва разгласила).  
Тут избранных мужей, назначен-  
ных жребием, тайно  
Скрыли они в пространные недра  
чудовища: полно  
Сделалось чрево громады одеян-  
ных броней ратных.  
Близ Илиона лежит Тенедос, зна-  
менитый издревле  
Остров, обильный, доколе стояло  
царство Приама,  
Ныне же бедный залив, кораблям  
ненадежная пристань.  
Там, удалясь, у пустых берегов  
притаились данаи;  
Мы же их мнили уплывшими с  
ветром попутным в Микины.  
Тевкрия вся от тяжелой печали  
вдруг отдохнула;  
Град растворился; рвемся на во-  
лю, чтоб лагерь дорийский,

Место пустое и берег, врагами  
оставленный, видеть.  
Там стояло их войско; тут ша-  
тер был Ахиллов;  
Здесь корабли их; там поле, где  
рати обычно сражались».  
Все дивятся опасному дару без-  
брачной Паллады;  
Все дивятся великой громаде, и  
первый Тиметос —  
Был ли он враг нам, судьба ль уж  
паденье Пергама решила —  
В город вовлечь и в замке поста-  
вить коня предлагает;  
Но пронциательный Капис и каж-  
дый, в ком ясен был разум,  
В море советуют козни данаев с  
их даром неверным  
Бросить или предать огню и пеп-  
лом развеять;  
Или, чрево пронзив, сокровенное в  
нем обнаружить.  
Так в нерешимости мнений тол-  
па волновалась. Но быстро,  
Гневен, стремится от замка,  
один впереди, провожаем  
Сонмом шумящим народа, Лаоко-  
он; издалека

Он возопил: «О, несчастные! что  
за безумство, граждане!  
Верите ль бегству врага? Иль  
мните, что дар нековарный  
Могут оставить данаи? Так ли  
узнали Улисса?  
Или ахеев здесь, заключенные в  
древе, таятся;  
Или громада сия создана, чтоб,  
на гибель Пергаму,  
В дома наши глядеть и град сто-  
рожит с возвышенья;  
Или коварство иное... коню не ве-  
ряться, тевкры!  
Что здесь ни будь... я данаев стра-  
шусь и дары приносящих».  
Так сказал, и копье тяжелое мощ-  
ной десницей  
Он в огромный бок и в согбенное  
чрево громады  
Ринул; вонзившись, оно зашата-  
лось; дрогнуло зданье;  
Внутренность звон издала; засте-  
нало в недре глубоком.  
Так, когда бы не боги, когда б не  
затменье рассудка,  
Нам бы тогда же открыло их  
козни железо... и ты бы,

Троя, стояла, ты бы стояло, жи-  
лице Приама!  
Вдруг дарданские горные пастыри  
с криком и плеском  
Юношу, руки ему на хребет зако-  
вавши, к Приаму  
Силой влекут; он сам, неведомый  
им, замышляя  
Хитрость и средство ахеян впу-  
стить в Илион, произвольно  
Предал себя, отважный, на все го-  
товый заране:  
Козни ль свои совершить иль вер-  
ною смертью погибнуть.  
Жадно троянские бросились юно-  
ши грека увидеть;  
Стали кругом и спорят друг с  
другом, чтоб пленным ругаться..  
Сведай же хитрость ахеян; в зло-  
действе едином  
Всех их узнай! Стоя один, посреди  
толпы, смятен, безоружен,  
Робко водил он кругом недоверчи-  
вый взор; напоследок:  
«О, какая земля, какое море, – вос-  
кликнул. —  
Примут меня, и что мне теперь,  
несчастливцу, осталось!



Места меж греками нет, а здесь  
раздраженная Троя,  
Полная праведной мести, погире-  
льню мне угрожает!»  
Жалоба пленника тронула наши  
сердца; замолчало  
Буйство толпы; вопрошаем: ка-  
кой он породы? откуда?  
Что намерен начать? за что  
судьбу упрекает?  
Бремя страха сложивши, Приаму  
ответствовал пленник:  
«Что б ни случилось, о царь, ниче-  
го не сокрою. Во-первых,  
Родом я грек – не таюсь; Синон  
быть может несчастен,  
Воля судьбы; но коварным лже-  
цом никогда он не будет.  
Верно, молва донесла до тебя зна-  
менитое имя,  
Верно, слыхал о делах Паламеда,  
Вилова сына;  
Славный вождь, но безвинно, по  
злым наущеньям пелазгов,  
Только за то, что войны не оправ-  
дывал, преданный смерти,  
Ныне же, света лишенный, от них  
же, свирепых, оплакан.

Сродник его, мой убогий отец, его  
попеченьям

В юности вверил меня, снарядив  
на войну; и доколе

Был почтен Паламед, заседаю с  
вождями в совете,

Был и я не без имени, было и мне  
уваженье.

Но с тех пор как пал он жертвой  
Улиссовой злобы,

Тяжкую жизнь во мраке печаль-  
ном влачил я, бесплодно

В сердце своем негодуя на гибель  
невинного друга;

О, безрассудный! я не смолчал, но  
смело грозился

Мстить за него, лишь только б в  
Аргос возвратиться с победой

Боги велели! Угрозы мои распали-  
ли их злобу.

С той минуты беды за бедами;  
Улисс неусыпно,

Сам виновный, меня обвинял в за-  
мышленьях, коварно

Сеял наветы в толпе и губил ме-  
ня клеветами.

Прежде не мог успокоиться он,  
доколе Калхаса...

Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повесть?  
Что прибавлю? Когда вам все греки равно ненавистны —  
Ведать довольно: я грек; поражайте меня; вы Улиссу  
Тем угодите; и щедро за то наградят вас Атриды».

Чужды сомненья, не зная всего вероломства пелазгов,  
Мы, любопытством горя, вопрошать продолжаем Синона.  
Снова начал он робкую речь с лицемерным смиреньем:  
«Долгой осадой наскучив, бесплодной войной утомленны,  
Греки не раз от упорныя Трои бежать замышляли.  
О! почто сего не свершилось? Но бури от моря  
Часто им путь заграждали, и южный ветер страшил их.  
С той же поры, как построен был конь сей из брусьев сосновых,  
Грозы с небес не сходили, и ливень шумел непрестанно.  
В трепете мы Эрифила узнать, что велит нам оракул,

В Дельфы послали – с ужасным  
ответом он возвратился:  
Греки, плывя к Илиону, кровию де-  
вы закланной  
Вечных склонили богов даровать  
им ветер попутный:  
Крови аргосского мужа и ныне за  
ветер возвратный  
Требует небо. Едва разнеслось  
прорицанье в народе,  
Все возмутились умы, сердца  
охладели, и трепет  
Кости проникнул. Кому сей жре-  
бий? Кто Фебова жертва?  
С шумом тогда Улисс ухищрен-  
ный Калхаса пророка  
Силой привлек пред народ, да от-  
кроет волю бессмертных.  
Многие тут же, зная Улисса, мне  
предсказали  
Умысел злой на меня и ждали в  
смятенье, что будет;  
Десять дней прорицатель молчал  
и, таясь, отрекался  
Жертву назвать и слово изречь,  
предающее смерти.  
Но, наконец, приневолен докуч-  
ным Улиссовым воплем,

Он произнес... то было мое  
несчастное имя!  
Все одобрили выбор, и всяк, за себя  
трепетавший,  
Рад был, что грозное всем одному  
обратилось в погибель.  
День роковой наступал; меня уж  
готовили в жертву;  
Были готовы и соль и священный  
пирог, и повязка  
Мне уж чело украшала... но я (не  
сокрою) разрушил  
Цепи, скрылся в болото и там, в  
тростнике притаившись  
Ночью ждал, чтоб они, подняв па-  
руса, удалились...  
Нет теперь мне надежды отчиз-  
ну древнюю видеть!  
Вечно милых родных и отца же-  
ланного вечно  
Я не увижу! Быть может, и то,  
что их же, невинных,  
Мне в замену, за бегство мое,  
убийцы погубят...  
О! всевышними, зрящими вечную  
правду богами.  
О! правотой неизменною – если  
еще сохранилась

Где на земле правота – молю: яви  
сожаленье  
Бедному мне и тронься на мой  
незаслуженный жребий!»  
Мы, сострадая, скорбели над ним,  
проливающим слезы  
Сам благодушный Приам повелел  
тяготящие узы  
С пленника снять и ему с утешительной  
ласкою молвил:  
«Кто бы ты ни был, забудь о своих  
неприятных греках;  
Наш ты теперь; ободрись и друзьям  
откровенно поведай:  
Что знаменует громадный сей  
конь? На что он воздвигнут?  
Кем? Приношение ль богу какому?  
Орудие ль брани!» —  
Так Приам вопрошал. И, полный  
коварства пелазгов,  
Пленник, поднявши к священному  
небу свободные руки:  
«Вы, светила небесные, вы, надзвездные  
боги,  
Вас призываю (воскликнул), вас,  
от которых бежал я,  
Жертвенный нож, алтарь, роковая  
повязка! Отныне

Я навсегда разорвал ненавистные  
с греками узы;  
Греки враги мне; свободно открою  
троянам их тайны:  
Чуждый отчизне, я чужд навсегда  
и законам отчизны.  
Ты же мне данный обет сохрани,  
сохраненная Троя,  
Если тебе во спасенье великую ис-  
тину молвлю.  
Всех упований подпорой, надеж-  
ной помощницей в битвах.  
Грекам Паллада была искони; но с  
тех пор как преступный  
Сын Тидеев и с ним Улисс, вымыш-  
лятель коварных  
Козней, из храма Палладиум,  
стражей высокого замка  
Смерти предав, унесли и рукой,  
от убийства кровавой,  
Девственно-чистых богини одежд  
прикоснуться дерзнули —  
Кончилась наша доверенность к  
ней, охладела надежда,  
Сила упала, от нас отклонилась  
богиня; и зрелись  
Явные знаки гнева Тритоны: лишь  
только во стане

Был утверждён похищенный идол,  
ожившие очи  
Вдруг ослепительным блеском за-  
жглись, по членам соленый  
Проступил, и трикраты (о  
страшное чудо!) богиня,  
Прянув, воздвигнула щит и ко-  
пьем потрясла, угрожая.  
Нам, уstraшенным, Калхас  
немедля советует бегство.  
Трое не пасть от аргивския си-  
лы, – прорек он, – иль снова  
Греки должны спросить оракул в  
Аргосе и морем  
Взятый в отчизну Палладиум  
вновь привести к Илиону.  
Найдите ж: теперь, переплывши в  
Аргос с благовеющим ветром,  
Рать и сопутных богов они соби-  
рают, чтоб снова  
Вслед за Калхасом войной на Пер-  
гам неожиданной грянуть.  
В дар же богам за Палладиум, в  
честь оскорбленной Тритоны  
Ими воздвигнут сей идол, чтоб их  
святотатство загладить;  
Сам Калхас повелел, чтоб конь  
сей чудовищный создан



Был из крепких досок и высился  
ростом огромным  
К небу, дабы не пройти во врата и  
не стать в Илионе  
Грозной защитой народу по  
древним сказаниям предков.  
Ведай же, Троя: когда оскорбите  
святыню Минервы,  
Гибель великая – о! да обрушат ее  
на Калхаса  
Праведны боги! – постигнет Приа-  
мов престол и фригиан;  
Если же сами коня возведете во  
внутренность града,  
Некогда Азия стены Пелопсовы  
сильной оступит  
Ратью, и наших потомков по-  
стигнет мстящая гибель».  
Боги! боги! притворным речам ве-  
роломца Синона  
Жадно поверили мы... и те, кого  
ни Тидеев  
Сын, ни Ахилл-фессалиец, ни де-  
сять лет непрерывной  
Брани, ни тысяча их кораблей по-  
корить не умели, —  
Те единому слову, одной слезе по-  
корились.

Тут явилось другое, неслыханно  
страшное чудо  
Нашим очам и вселило в сердца  
неописанный трепет.  
Лаокоон, Нептунов избранный  
жрец, всенародно  
Тучного богу вола приносил пред  
храмом на жертву...  
Вдруг, четой, от страны Тенедо-  
са, по тихому морю  
(Вспомнив о том, трепещу!) два  
змея, возлегли на воды,  
Рядом плывут и медленно тя-  
нутся к нашему берегу:  
Груды из волн поднялись; над вода-  
ми кровавые гребни  
Дыбом; глубокий, излучистый  
след за собой покидая,  
Вьются хвосты; разгибаясь, сги-  
баясь, вздымаются спины,  
Пенясь, влага под ними шумит;  
всползают на берег;  
Ярко налитые кровью глаза и рде-  
ют и блещут;  
С свистом проворными жалами  
лизжут разинуты пасти.  
Мы, побледнев, разбежались. Чу-  
довища прыгнули дружно

К Лаокоону и, двух сынов его ма-  
лолетних  
Разом настигнув, скрутили их  
тело и, жадные втиснув  
Зубы им в члены, загрызли мгно-  
венно обоих; на помощь  
К детям отец со стрелами бе-  
жит; но змеи, напавши  
Вдруг на него и спутавшись, креп-  
кими кольцами дважды  
Чрево и грудь и дважды выю ему  
окружили  
Телом чешуйным и грозно над  
ним поднялись головами.  
Тщетно узлы разорвать напряга-  
ет он слабые руки —  
Черный яд и пена текут по свя-  
щенным повязкам;  
Тщетно, терзаем, пронзительный  
стон ко звездам он подымлет;  
Так, отряхая топор, неверно в  
шею вонзенный,  
Бесится вол и ревет, оторвавшись  
от жертвенной цепи.  
Быстро вясь, побежали ко храму  
высокому змеи;  
Там, достигши святилища гнев-  
ной Тритоны, припали

Мирно к стопам божества и под  
щит улеглись огромный.

Всем нам тогда предвещатель-  
ный ужас глубоко проникнул  
Сердце; в трепете мыслим: до-  
стойно был дерзкий наказан  
Лаокоон, оскорбитель святыни,  
копьем святотатным  
Недра пронзивший коню, посвя-  
щенному чистой Палладе.

«Ввесть коня в Илион! молитъ о  
пощаде Палладу!» Весь народ возо-  
пил...

Стены поспешно пронзаем; разло-  
маны града твердыни;  
Все на работу бегут: под коня  
подкативши колеса,  
Ставят громаду на них и, шею ка-  
натом опутав,  
Тянут... шатнулось чудовище; во-  
инов полное, в город  
Медленно движется; юноши вокруг  
и безбрачные девы  
Гимны поют и теснятся, чтоб  
вервей коснуться руками.  
Вдвинулся конь и идет, угрожаю-  
щий, стогнами Трои...  
О отчизна! о град богов Илион!

о во брани  
Славные стены дарданские! три-  
жды в воротах громада  
Остановилась, трижды внутри  
зазвучало железо...  
Мы ж, ослепленные, разум утра-  
тив, не зрим и не слышим.  
В замок Пергама введен наконец  
истукан бедоносный.  
Тут Кассандра, без веры внимае-  
ма нами, напрасно  
Вещий язык разрешила, чтоб нам  
предсказать о грядущем;  
Мы слепцы, для которых сей день  
был последний, цветами  
Храмы богов украшали, спокойно  
по стогнам ликуя...  
Небо тем временем круг соверши-  
ло, и ночь полетела  
С моря, и землю, и твердь, и об-  
ман мирмидонян объемля  
Тенью великой; по граду беспечно  
рассыпавшись, тевкры  
Все умолкнули: сон обнимал  
утомленные члены.  
Тою порой от берегов Тенедоса фа-  
лангу аргивян  
Строем несли корабли в благо-

склонном безлуния мраке  
Прямо к знакомым брегам;  
и лишь только над царской кор-  
мою  
Вспыхнуло пламя – судьбою богов,  
нам враждебных, хранимый,  
Тихо сосновые двери замкнутым в  
громаде данаям  
Отпер коварный Синон; раство-  
рившись, греков на воздух  
Конь возвратил; спешат из душ-  
ного мрака темницы  
Выйти вожди: Стенел, и Тессандр,  
и Улисс кровожадный,  
Смело по верви скользя, и за ними  
Фоас с Афаманом,  
Внук Пелеев Неоптолем, Магаон,  
напоследок  
Сам Менелай и с ним громады со-  
здатель Энеос.  
Быстро напали на сонный, вином  
обезумленный город;  
Стража зарезана; твердые сбиты  
врата, и навстречу  
Ждущим у входа вождям мирми-  
доняне хлынули в Трою.  
Было то время, когда на усталых  
сходить начинает

Первый сон, богов благодать,  
успокоитель сладкий.

Вдруг... мне заснувшему видится,  
будто Гектор печальный  
Стал предо мной, проливая обиль-  
но горькие слезы,  
Тот же, каким он являлся, коня-  
ми размыканный, черен  
Пылью кровавой, истерты ремня-  
ми опухшие ноги.

Горе! таким ли видал я его? Как  
был он несходен  
С Гектором прежним, гордо бегу-  
щим в Ахилловой броне  
Иль запалившим фригийский по-  
жар в кораблях супостата!  
Всклочена густо брада; от крови  
склеилися кудри;  
Тело истерзано ранами, некогда  
вкруг илионских  
Стен полученными. Сам, залива-  
ясь слезами, казалось  
Так во сне я приветствовал Гек-  
тора жалобной речью:  
«О светило Дардании! верная Трои  
надежда!  
Где так долго ты медлил? Гек-  
тор желанный, откуда

Ныне пришел ты? О! сколь же ты  
нас, по утрате толиких  
Храбрых друзей, по толиких бед-  
ствиях граждан и града  
Сердцем унылых обрел! И что  
недостойное светлый  
Образ твой затемнило? Откуда  
толикие раны?»  
Он ни слова; бесплодным вопро-  
сам он не дал вниманья;  
Но, протяжный, тяжелый вздох  
исторгнув из груди,  
Молвил: «Беги, сын богини, спасай-  
ся; Пергам погибает;  
Враг во граде; падает Троя; При-  
аму, отчизне  
Мы отслужили; когда бы от  
смертной руки для Пергама  
Было спасенье – Пергам бы спасен  
был этой рукою.  
Троя пенатов своих тебе поверя-  
ет, прими их  
В спутники жизни; для них заво-  
юй обреченные небом  
Стены державные, их же воздвиг-  
нешь, сплававши море».  
Кончил – и вынес из тайны свети-  
лица утварь, повязки,



Вечно пылающий огонь и лик все-  
могущия Весты.

Тою порою по граду, шумя, разли-  
валася гибель.

Боле и боле – хотя в стороне, оди-  
нок и непышен,

Дом Анхиза-родителя сенью за-  
крыт был древесной —

Шум приближается; явственной  
слышно волнение брани.

Я очнулся и ложе покинул; на  
верхнюю кровлю

Дома взбежал и стою, внима-  
тельным слушая ухом.

Так – когда, раздуваемый бурей,  
свирепствует пламень

В жатве, иль ливнем поток на-  
водненный, с горы загремевши,

Губит поля, и веселые нивы, и  
труд земледельца,

С корнями рвет и уносит дере-  
вья – с вершины утеса

В смутном неведенье силится к  
шуму прислушаться пастырь.

Все мне тогда – и видения тайна  
и козни данаев —

Вдруг объяснилось. Уж дом Деи-  
фобов горит и огромной

Грудой развалин, дымящийся, па-  
дает; с ним пламенеет  
Укалегонов, и заревом блещут си-  
гейские воды;  
Слышны и крики людей и звонкой  
трубы дребезжанье.  
Я как безумный за меч... но куда с  
мечом обратиться?  
Рвусь нетерпеньем дружину со-  
звать, чтоб броситься в замок;  
Ярость и бешенство душу стре-  
мительно мчат, и погибнуть  
Смертью прекрасной в бою с тос-  
кою мучительной жажду.  
Вдруг явился Панфей, убежавший  
от копий ахейских,  
Старец Панфей, Отриад и в замке  
жрец Аполлонов.  
Утварь и лики богов побежденных  
похитив, младого  
Внука он влек за собой и, беспамя-  
тен, мчался к Анхизу.  
"Есть ли надежда, Панфей? Уцеле-  
ли ль замка твердыни?" —  
Я спросил; отчаянным стоном  
ответствовал старец:  
«День последний настал, неизбеж-  
ное время настало

Царству; мы были троюне, был  
Илион, и великой  
Тевкрии слава была... на аргивян  
жестокий Юпитер  
Все перенес; господствуют греки в  
пылающем граде,  
Гибельно высясь над площадью  
замка, ратников сонмы  
Конь извергает; Синон, торже-  
ствуя, пожарное пламя  
Тщится усилить; там непрестан-  
но двумя воротами  
Войска бесчисленны входят, ка-  
ких не видали Микины;  
Здесь, захвативши тесные выхо-  
ды, сильная стража  
Сдвинула копья, и грозно, вон-  
зится готовое, блещет  
Их острие; безнадежно, расстро-  
енной, слабой дружиной  
Бьются привратные воины, си-  
лясь напрасно отбиться».  
Страшную вестью Панфея и си-  
лой бессмертных влекомый,  
Я побежал, куда призывали Эрин-  
нис, и шумный  
Говор сраженья, и пламень, и  
стон, ко звездам восходящий.

Следом за мною Рифей и зрелый  
мужеством Ифит;  
К нам пристали при блеске пожа-  
ра Димант с Гипанисом,  
К нам и Хорев Мигдонид, в Илион  
приведенный судьбою  
За день пред тем, горящий безум-  
ной к Кассандре любовью,  
С верною помощью к тестю При-  
аму и Трое... несчастный!  
Купно с другими вещим речам  
вдохновенной невесты он не пове-  
рил...  
Я же, их видя решительных, жажд-  
ущих боя, воскликнул:  
«Юные друзья! сердца, толь на-  
прасно бесстрашные ныне!  
Если, отважась на все, испытать  
вы со мною готовы  
Силы последней (что же фортуна  
решила, вы зрите:  
Наши святилища бросили, наши  
покинули храмы  
Боги, хранители Трои; снятый  
Илион исчезает  
Дымом), на смерть побежим,  
ударим в средину оружий;  
Друзья! спасенья не ждате – одно

побежденным спасенье».  
Вспыхнула бодрая младость. По-  
добно как в темном тумане  
Рыщут, почуя добычу, гонимые  
бешенством глада,  
Хищные волки и, пасти засохшие  
жадно разинув,  
Их волчата ждут в логовищах, –  
сквозь копыта и сонмы  
Так на погибель ударились мы,  
пролагая в средину  
Города путь, облетаемы ночи  
огромною тенью.  
Ночь несказанная; где слова для ее  
разрушений?  
Кто и какими слезами такую по-  
гибель оплачет?  
Падает древний град, многолет-  
ный властитель народов;  
Всюду разбросаны трупы; лежат  
неподвижно во прахе  
Улиц, на прагах домов, при дверях,  
во святилищах храмов.  
Но не одну безотпорную смерть  
принимает троянец,  
Часто горит в побежденном при-  
вычная бодрость и гибнет  
Грек-победитель... Везде, отовсю-

ду являются взору  
Ужас, и бой, и кровавая смерть в  
неисчисленных видах.  
Первый из греков, дружиною  
встреченный нашей на стогнах,  
Был Андрогей; в обманчивом су-  
мраке ночи приемля  
Нас за данаев союзных, он так  
дружелюбно воскликнул:  
«Братья, спешите; где же так  
долго вас задержала  
Праздная лень? Давно расхищают  
горящую Трою  
Греки; а вы едва с кораблями рас-  
статься успели».  
Так он сказал; но, узрев безответ-  
ную нашу суровость,  
Вмиг догадался, кто перед ним,  
отскочил и умолкнул,  
Скованный страхом. Как путник,  
змею разбудивший ногою,  
Трепетен рвется назад, узрев, как  
она, развернувшись,  
Гнев воздымает и свищет, подняв  
чешуи голубые, —  
Так, задрожавши, от нас побежал  
Андрогей... но напрасно!  
Мы за ним; разорвали их строй; и,

не ведая града,  
Вдруг осажденные страхом,  
незапно ночью и нами,  
Все до единого пали враги. Улыб-  
нулась фортуна  
Первому нашему бою. Хорев, вос-  
паленный удачей,  
«Друзи! – воскликнул. – Отважим-  
ся ввериться первому счастью;  
Нам благосклонно судьба указывает  
наш путь; облачимся  
В брони данаев, щиты переменим;  
обманом иль силой —  
Все равно для врага. И ныне ору-  
жие сами  
Греки троянам дадут». Сказал и  
надел Андрогеев  
Гривистый шлем, завоеванный  
щит надвинул на шуйцу,  
Греческий меч утвердил на бедре.  
Ему подражая,  
Бодро Димант, и Рифей, и вся мо-  
лодая дружина  
Свежей добычей оружий себя  
ополчили. В средину  
Греков бежим... но боги отчизны  
были не с нами.  
Подвигов много, врагами не

узнанны, в сумраке ночи  
Мы совершили, много данаев низ-  
ринута в Оркус.  
Мчатся из града; иных загоняет  
постыдная робость  
В недра коня, и приемлет их снова  
знакомое чрево.  
Но... богам отвратившимся,  
поздно верить надежде!  
Вдруг из храма Паллады влекут  
за власы распущенны,  
Вырвав ее из святилища, дочь  
Приама Кассандру,  
К темному небу напрасно подъ-  
емлющу пламенны очи —  
Очи одни, окованы были невинные  
руки;  
Страшного вида сего не стерпело  
сердце Хорева;  
Он, обезумленный, прямо в среди-  
ну толпы их; и, сдвинув  
Груды и копья, мы дружно за ним;  
но плачевно-ужасный  
Бой тогда закипел: трояне, обма-  
нуты видом  
Наших греческих лат и сверкани-  
ем шлемов косматых,  
С кровли высокого храма пустили



в нас тучею стрелы;  
Стон пораженных нам изменил;  
на Кассандрины вопли  
Бросился враг; мы все опрокину-  
ты; с бурным Аяксом  
Оба явились Атрида – за ними  
толпами данаи.  
Так, подымаясь крутящимся вих-  
рем, сшибаются ветры  
Нот и Зефир, и на легких несомый  
конях от востока  
Эвр, и бушуют леса, и Нерей опе-  
ненным трезубцем  
Бьет по водам, и до самого дна со-  
дрогаются море.  
Скоро и греки, испуганны мраком  
ночным и по граду  
Нашей дружиной рассеянны, вы-  
шли из тайных убежищ,  
Первые нас по щитам и обманчи-  
вым броням узнали,  
Вслушались в наши слова и чужие  
заметили звуки.  
Множество нас задавило: первый  
мечом Пенелея  
Пал Хорев пред святым алтарем  
броненосной Паллады;  
Пал и Рифей, из троян непороч-

нейший, правды блюститель  
(Иначе боги судили о нем); Ди-  
мант с Гипанисом  
Пали от копий троянских; ни Фе-  
бова риза, ни святость  
Чистой жизни тебя не спасли, о  
Панфей благодушный,  
Прах Илиона, все блага мои поглот-  
тившее пламя.  
Вас призываю! вы зрели, что я не  
чуждался ни копий  
Вражьих, ни силы врага; и когда  
бы назначил мне жребий  
Пасть – я паденье свое заслужил.  
Но из битвы (за мною  
Ифит один с Пелиасом, Ифит,  
уже отягченный  
Дряхлостью лет, Пелиас, умира-  
ющий, ранен Улиссом)  
Я устремился на стон, огласив-  
ший чертоги Приама.  
Там все ужасы брани стеклися:  
как будто во граде  
Не было битвы иной и нигде нико-  
го не разили —  
Так свирепствовал Марс, так бе-  
шено греки рвалися  
В замок и, сдвинув щиты черепа-

хой, на вход напирали.  
Множеством лестниц унизаны  
стены; вверх по ступеням  
Лезут данаи, шуйцей щиты над  
главами под копыа  
Наши подставив, десной за верши-  
ну ограды хватаясь;  
Тевкры, готовя отпор, разоряют  
и башни и дома.  
Вместо оружий собирают облом-  
ки с намереньем грозным  
В битве отчаянной ими врага раз-  
давить, погибая;  
С шумом державного дома царей  
позлащенны убранства  
Падают; меч обнаживши, другие,  
у врат осажденных  
Тесной дружиной столпясь,  
ограждают святилище прага.  
Взорванный гневом, стремлюсь  
на защиту Приамова дома,  
Ратных усилить и бодрого духа  
придать побежденным.  
Были сокрытые двери в стене вы-  
сокого замка.  
Ход потаенный из внешнего града  
в царево жилище;  
Часто, во дни благоденствия

Трои, ко свекру Прнаму  
Онѹм путем Андромаха несчаст-  
ная тайно ходила:  
Взор престарелого деда порадо-  
вать внуком цветущим.  
Онѹм путем пробираюсь к тому  
возвышенью, откуда  
Тщетно последние стрелы на гре-  
ков бросали трояне.  
Там воздымалась стремнистая  
башня, весь град перевыся:  
С кровли ее неприступной видимы  
были вся Троя,  
Все корабли мирмидонян, весь  
греческий стан отдаленный.  
Там, где она со стены висела гро-  
мадою всею  
Грозно над градом, как туча, мы  
острым железом подрыли  
Сплоченны камни и двинули баш-  
ню... гремя и дымяся,  
Вдруг она повалилась и страшной  
развалиной пала  
Вся на греков; погибших сменили  
другие, и градом  
Стрелы, копья и камни опять по-  
летели.  
Всех определя, напирал на преддвѣ-

рие Пирр бедоносный,  
Грозец, как пламенный, медной  
броней и стрелами сияя.  
Так на солнце змея, напившись  
ядом растений,  
Долго лежав неподвижно под тя-  
гостным холодом снега,  
Вдруг, чешуи обновив, расправля-  
ет красы молодые,  
Скользкий волнует хребет, золо-  
тистую грудь надувает,  
Вьется в лучах и жалом трой-  
ным, разыгравшись, блещет.  
С ним великан Пернфрас, и прави-  
тель Ахилловых коней  
Оруженосец Автомедон, и дружи-  
на скирнян  
Шумно к чертогам теснятся и  
пламень бросают на кровли.  
Сам же, у всех впереди, он огром-  
ной двуострой секирой  
Рушит затворы, с притолок  
тяжких, окованных медью,  
Петли сбивает, брусья дробит и  
плотные доски  
Вдруг прорубил – широкою щелью  
разинулись двери.  
Видимы стали и внутренний двор

и ряды переходов,  
Видима древняя храмина прежних  
царей и Приама,  
Видимы в сенях и стражи, храни-  
тели царского прага.  
В самом же доме и жалобный  
крик, и шум, и волненье;  
Звонкие своды чертогов наполнив  
пронзительным стоном,  
Жены рыдают; к звездам подыма-  
ет отчаянье голос.  
Бледные матери, бегая в мутном  
безумии страха,  
Праги объемлют дверей и к ним  
прилипают устами.  
Вдруг вторгается Пирр, как отец,  
неизбежно – ужасный.  
Тщетны заграды; низринута  
стража; таран стенобойный  
Сшиб ворота; расколовшись,  
огромные рухнули створы;  
Силе прочистился путь, и в про-  
лом, опрокинув передних,  
Ринулся грек, и врагами обители  
все закипели.  
Менее грозен, плотину прорвав и  
разрушивши стену,  
С ревом и с пеной стремится по-

ток из берегов и, равнину  
Шумным разливом окрест пото-  
пив, стада и заграды  
Мчит по полям. Я видел убий-  
ством яримого Пирра;  
Видел обоих Атридов, дымящихся  
кровью в обители царской;  
Видел Гекубу, и сто невесток ее, и  
Приама,  
Кровью своею воздвигнутый ими  
алтарь обогривших.  
Вдруг пятьдесят сыновних брач-  
ных чертогов, надежда  
Стольких внуков, и стены, добыч  
многочисленных золотом  
Гордые, пали – пожаром забытое  
схвачено греком.  
Знать пожелаеть, быть может,  
царица, что было с Приамом.  
Видя падение града, видя пылаю-  
щий замок,  
Видя врага, захватившего внут-  
ренность царского дома,  
Старец давно позабытую броню  
на хилые плечи,  
Сгорбленный тягостью лет, чрез  
силу надел, бесполезный  
Меч опоясал и в сонмы врагов по-

шел на погибель.  
В самой середине царских чертогов,  
под небом открытым,  
Был великий алтарь; над ним  
многолетнего лавра  
Сень наклонялась и лики домаш-  
них богов обнимала.  
Там с дочерьями сидела Гекуба. На-  
прасно – укрывшись  
Робко под жертвенник, словно  
как стая пугливая горлиц  
В грозу под ветви, – кумиры бес-  
смертных они обнимали.  
Вдруг царица одетого броней  
младости бранной  
Видит Приама. «Куда ты, бедный  
супруг (возгласила)?  
Что ополчило тебя? К чему без-  
рассудная бодрость?  
Ныне такая ли помощь, такой ли  
защитник Пергаму  
Нужны? Пергама не спас бы те-  
перь и великий мой Гектор.  
С нами останься, Приам; алтарь  
защитит нас,  
Или умрем неразлучны». Сказала  
и, руку супругу  
Давши, старца с собой посадила



на месте священном.  
Вдруг из убийственных Пирровых  
рук убежавший Политос,  
Сын последний Приама, сквозь ко-  
пья, сквозь сонмища вражды,  
Вдоль переходов, пустыми черто-  
гами, раненый, мчится;  
Быстро за ним сверкающий Пирр  
с неизбежным убийством  
Гонится... близко; нагнал, достиг-  
нул железом; пронзенный,  
К лону родителей кинулся юноша,  
в страхе пред ними  
Пал, содрогнулся... и жизнь проли-  
лася потоками крови.  
Тут закипело Приамово сердце.  
Сам погибая,  
Он не стерпел толь великого горя  
и гневно воскликнул:  
«О, чудовище! Боги тебе, свято-  
татный убийца,  
Боги – если живет в небесах право-  
судная жалость —  
Мзду ниспошлют; по заслуге полу-  
чишь награду, губитель,  
Ты предо мной моего растерзав-  
ший последнего сына!  
То ли Ахилл, от тебя названьем

отца поносимый,  
Сделал с Приамом – врагом? Он,  
краснея, почтил униженье  
Старца молящего; дал схоронить  
мне бездушное тело  
Гектора – сына и в Трою меня от-  
пустил безобидно».

Так он сказал и копье бессильное  
слабой рукою  
Бросил; оно, ударяся в медь, зазве-  
невшую глухо,  
Тронуло выгиб щита и на нем без  
движенья повисло.

Яростно Пирр возопил: «Иди же с  
поносной отсюда  
Вестью к Пелиду-отцу; не забудь  
о бесславных деяньях  
Пирра поведать ему; теперь же  
умри». Беспощадно  
Он перед жертвенник дрогнувший  
старца повлек; сединами  
Шуйцу, облитую кровью сынов-  
ней, опутал, десницей  
Меч замахнул и в ребра до самой  
вонзил рукояти.

Так совершилася участь Приама;  
так он покинул  
Землю, зревши добычей пожара

Пергам и паденье  
Трои, некогда сильный власти-  
тель народов, державный  
Азии царь... и великое тело на бре-  
ге пустынном  
Ныне без чести лежит, обезглав-  
лено, труп безымянный.  
Тут впервые мне ужас предчув-  
ствия душу проникнул:  
Я обомлел; я о милом старце ро-  
дителе вспомнил,  
Видя, как дряхлый ровесник его,  
под рукой беспощадной,  
Царь издыхал; я вспомнил о сирой  
Креузе, о доме,  
Преданном греку во власть, о  
судьбине младенца Иула.  
Взор обращаю: нет ли со мною  
сподвижников ратных?  
Все исчезли; одни, утомленные  
битвою, с башни  
Прянули в город; другие отчаянно  
кинулись в пламень  
Я один уцелел. И вдруг в преддве-  
рии храма  
Весты, робко-безмолвную, скры-  
тую в темном притворе,  
Вижу Тиндарову дочь: при зареве

ярком пожара  
Светлым путем я бежал, все оку  
являлося ясным.  
Там, опасаясь троян, раздражен-  
ных паденьем Пергама,  
Злобы данаев и мести супруга,  
отчизну и Трою  
Купно губящая Фурия, жертвен-  
ник Весты объемля,  
В храме, богам ненавистная, тай-  
но сидела Елена.  
Вспыхнуло сердце во мне; ото-  
мстить за погибель отчизны  
Рвется мой гнев; истребить ис-  
требленья виновницу жажду  
«Ей ненаказанной Спарту узреть!  
в родные Микины  
Гордой царицей вступить, торже-  
ствуя! увидеть супруга  
Дом родительский, чад, окружен-  
ной прискорбной толпою  
Дев илионских и пленных троян!...  
А Приам уж зарезан,  
Троя горит и Дардания целая кро-  
вью дымится!  
Нет! того не стерплю! пускай не  
великая слава  
Женоубийце, пускай для него бес-

похвальна победа —  
Свет от чудовища должно очи-  
стить; кровавою местью  
Сердце свое утолю и пепел моих  
успокою».

Так я, себя раздражая, злобой ки-  
пящий, стремился.

Вдруг перед очи мои, откровен-  
ная, мрак осиявши

Ярким блистаньем, великой боги-  
ней, какою лишь небо

Знает се, предстала мать и, меня  
удержавши,

Молвила так мне устами, живы-  
ми как юная роза:

«Сын, для чего необузданной скор-  
бию гнев пробуждаешь?

Что за безумство? Ужели оста-  
вил о нас попеченье?

Прежде помысли о том, где поки-  
нут тобою родитель,

Дряхлый Анхиз, не погибли ль су-  
пруга Креуза и юный

Сын твой Асканий? Кругом их  
обители бешено рыщет

Грек, и давно бы, когда б не моя  
берегла их защита,

Их истребило железо и пламень

враждебный похитил!...

Нет! не Парид, похититель преступный, не образ спартанки, Низкой Тиндаровой дочери – боги, разгневаны боги

Ваш опрокинули град и сразили величие Трои.

Зри – я всякое облако, ныне темнящее слабый

Смертного взор и облекшее все пред тобою туманным

Мраком, подъямлю – но только моим повелениям смело,

Сын, покорись, и бесспорно мои поученья исполни.

Там, где видишь разбросанны груды, утес на утесе,

Где подымается черное облако праха и дыма,

Там Посидон великим его потрясенны трезубцем

Стены дробит и, подрыв основанья, весь город в обломки

Рушит; здесь беспощадная Ира, на Скейских воротах

Грозно воздвигшись, союзную рать с кораблей к Илиону,

Броней звучащая, кличет...

Там – оглянися – на замке, над  
градом, Тритона-Паллада  
Села, гремящею тучей и страш-  
ной Горгоной блистая.  
Сам вседержитель и бодрость и  
бранную силу низводит  
Свыше на греков и сам на дардан  
подымает все небо.  
Нет упования, сын; беги, не упор-  
ствуй сражаться;  
Буду с тобой; неведимо достиг-  
нешь родительской сени».  
Так сказала и скрылась в глубо-  
кую бездну ночную.  
Грозные лики тогда мне предста-  
ли, разящие Троию  
Силы великих богов я увидел...  
Тут открылось, как, страшно  
разрушен, в огне распался  
Весь Илион и в обломки валилась  
Нептунова Троя.  
Так на густой прародительский  
яшень, горы украшень,  
Корни кругом подрубив, дровосе-  
ки, столпясь, нападают;  
Споря проворством, разят топо-  
ры; благородное древо  
Зыблется, сенью шумит, волосы-

стой главою трепещет,  
Мало-помалу под ранами клонит-  
ся... вдруг, изнемогши,  
Стонет и падает, всю завалив  
разрушением гору...  
Я удаляюсь, храним божеством;  
иду через пламень,  
Мимо врагов: раздвигаются ко-  
пья, огонь уступает.  
К древней обители, к прагу свя-  
щенной родительской сени  
Скоро достиг я, и первой заботой  
в защитное место,  
На гору старца отца перенести.  
Приближаюсь к Анхизу —  
Трою свою пережить и себя осу-  
дить на изгнание  
Старец отрекся. «Вы, сохранив-  
шие бодрю младость,  
Вы, не лишённые мужеской силы  
годами, спешите  
Бегством спастись, — сказал он.

---

Если б державные боги конец мой  
отсрочить хотели —  
Мне бы они сохранили мой дом.  
Но слишком довольно  
Зреть и однажды погибель своих



и сожжение града.  
С миром идите, почтивши мое  
полумертвое тело  
Словом прощальным; смерть я  
сам обрету, иль, жалея,  
Враг умертвит старика. Не  
страшна погребенья утрата;  
Слишком долго, противный бо-  
гам, на земле я промедлил,  
Чуждый земле, с тех пор как бес-  
смертных и смертных владыка  
Веяньем молний своих и громом  
ко мне прикоснулся».

Так говорил мой родитель, в же-  
стоком намеренье твердый.  
Мы же в слезах – и я, и Креуза, и  
юный Асканий,  
Сын мой, и с нами домашние – мо-  
лим, чтоб вместе с собою  
Он, отец, семьи не губил и в беду  
не ввергался...

Тщетны моленья; покинуть свой  
дом непреклонный отрекся.  
Снова тогда ополчаюсь, отчаян-  
ный, жаждущий смерти.  
Что иное мне оставалось? Какая  
надежда?

«Как, родитель, чтоб я убежал,

об отце позабывши,  
Требовал ты! из родительских  
уст толь обидное слово!  
Если назначили боги, чтоб не бы-  
ло Трои великой,  
Если тобой решено истребить с  
истребляемым градом  
Нас и себя – для погибели нашей  
двери отверсты:  
Скоро Приамовой кровью дымя-  
щийся Пирр, умертвивши  
Сына пред взором отца и отца  
пред святыней Пенатов,  
Явится здесь! Для того ли сквозь  
бой и пожар, о, богиня,  
Я проведен, чтоб, врага допустив  
во святилище дома,  
Видеть, как сын мой Асканий, и  
дряхлый отец, и Креуза,  
Кровью друг друга облив, предо  
мною истерзаны будут?  
Дайте оружия, воины; время при-  
шло роковое;  
Грекам меня возвратите; отвеща-  
ем силы последней;  
В бой, друзья! мы не все неот-  
мщенны ныне погибнем».  
Меч опоясав и щит свой надвинув

на шуйцу, из дома  
Выйти спешу; но Креуза, упав со  
слезами на праге,  
Ноги мои обняла и, сына – мла-  
денца подъямля  
К лону отца, возопила: «Если себя  
на погибель  
Ты осудил – да погибнем с тобою  
и мы неразлучно!  
Если ж осталось тебе упование на  
меч и на силу —  
Прежде свой дом защити; здесь  
младенец Иул; здесь отец твой;  
Здесь Креуза... ее называл ты до-  
ныне своею».  
Так вопияла супруга, стенаньем  
весь дом оглашая.  
Тут несказанное в наших очах со-  
вершилось чудо:  
Сына Иула с печалью родитель-  
ской мы обнимали —  
Вдруг над его головою сверкнуло  
эфирное пламя,  
В кудри власов, не палящее, вея-  
ньем тихим влетело,  
Пыхнуло ярко и вокруг головы об-  
вилось блистаньем.  
В трепете страха мы отряхаем

горящие кудри;  
Силимся влагой студеной огонь  
затушить чудотворный.  
Чуда свидетель, Анхиз оживлен-  
ные радостью очи  
К небу возвел и, дрожащие длани  
подъемля, воскликнул:  
«О, вседержитель Зевес! когда ты  
молитвам доступен,  
Призри на нас, о едином молящих:  
если достойны,  
Будь нам защитой, отец, и знаме-  
нью дай подтвержденье».  
Только промолвил Анхиз – пому-  
тилось небо, и страшно  
Грянуло влеве; и, быстро упавшая  
с темныя тверди,  
Мрак лучезарный рассекши браз-  
дой, звезда побежала...  
Видели мы, как она, разразившись  
над нашею кровлей,  
Светлая, вдаль покатилась и,  
путь наш означив блистаньем,  
Пала за Идою в рошу... долго, про-  
тянут вдоль неба,  
След пламенел, и запахом серным  
дымилась окрестность.  
Тут побежденный старец роди-

тель подьѣмлется с ложа,  
Молит богов и творит поклоне-  
нье звезде путеводной.  
«Все решено! – возгласил он – Боги  
отчизны, ведите;  
С верой иду; сохраните и дом мой  
и внука; то ваше  
Знаменьѣ было, и в вашем могу-  
ществе есть еще Троя;  
Вам покоряюсь; мой сын, предво-  
ди; за тобою отец твой».  
Так он сказал... и уже приближал-  
ся к обители нашей  
С треском пожар и шумящего  
пламени зной опалял нас.  
«Время, родитель; на плечи сы-  
новние сядь (возгласил я),  
Дай мне мои подклонить рамена  
под священное бремя.  
Что бы ни встретило нас на пу-  
ти – одно нам спасенье,  
Гибель одна; перестанем же мед-  
лить; младенец Асканий  
Рядом со мною пойдет; в отдале-  
нье за нами Креуза.  
Вы же, служители дома, заметь-  
те, что вам повелю я:  
Есть при исходе из града холм, и

на холме Церерин,  
Древле покинутый храм; перед  
ним кипарис престарелый,  
С давних времен сохраненный по-  
чтением набожных предков.  
Там во единое место из разных  
сторон соберитесь.  
Лики Пенатов и утварь тебе пове-  
ряю, родитель;  
Я же, пришедший из битвы, рукою  
кровавой не смею  
К ним прикоснуться, доколь не  
очищу себя орошеньем свежия  
влаги...»  
С сими словами, широкие плечи  
склоня и на выю  
Сверх одеянья накинув косматую  
львиную кожу,  
Старца подъямлю; идем; Асканий,  
мою обхвативши  
Крепко десницу, бежит, торопяся,  
шагами неровными сбоку;  
Следом Креуза; идем, пробираясь  
мглою по стогнам;  
Я же, дотоле бесстрашным оком  
смотревший на тучи  
Стрел и отважно встречавший  
дружины враждебные греков,

Тут при малейшем звуке бледнел,  
при шорохе каждом  
Медлил, робея за спутника, в  
страхе за милую ношу.  
И уже достигал я ворот и мнил,  
что опасный  
Путь совершился... вдруг невдала  
голоса раздался,  
Что-то мелькнуло, послышался  
топот. Пристально в сумрак  
Смотрит Анхнз. «Мой сын, мой  
сын, беги! – возопил  
Идут! сверкают щиты! оружие  
медное блещет!...»  
Кто изъяснит? Божество ли ка-  
кое враждебною силой  
Ум мой смутило... но, в сторону  
бросясь, чтоб мнимой  
Встречи избегнуть, далеким об-  
ходом я вышел из града;  
Боги! Креуза исчезла; во тьме ль,  
ослепленная роком,  
Сбилась с дороги иль где отдох-  
нуть, утомленная, села —  
Я не знаю, с тех пор мы нигде уж  
ее не встречали.  
Только тогда я утрату, опом-  
нясь, заметил, когда мы

Холма святого и древнего храма  
Цереры достигли.  
Там собрались мы, убогий оста-  
ток троян, – а Креузы  
Не было, к горю сопутников, сына,  
отца и супруга.  
О! кого из людей и богов я не клял,  
исступленный!  
Было ли что для меня и в паденье  
Пергама ужасней?  
Сына Иула с Анхизом-отцом и с  
Пенатами Трои  
Спутникам вверив, в излучине до-  
ла велю им укрыться;  
Сам же, блестящей одетый бро-  
ней, возвращаюся в Трою.  
Вновь решено боевые труды испы-  
тать, по горящим  
Стогнам Пергама промчатся и  
грудь под удары подставить.  
К темному прагу ворот, чрез ко-  
торый мы вышли из града,  
Прежде спешу, чтобы, снова по  
свежему нашему следу  
Трою пройдя, замечательным  
оком всмотреться в приметы;  
Всюду ужас! даже молчание в  
трепет приводит!



К дому Анхиза – не там ли она, не  
туда ли ей случай  
Путь указал – я бегу, но данаи уж  
грабили дом наш;  
Все испровергнуто; с воплями  
враг по обители рыскал;  
Пламень пожара уже прошибал  
из – под верхний кровли;  
Вихрем взвивались искры, и в воз-  
духе страшно гремело.  
Я обратился к Приамову дому, к  
высокому замку:  
Боги! боги! в притворе пустого  
Юнонина храма  
Зверский Улисс и Феникс у добычи  
стояли на страже:  
Там сокровища Трои, богатства  
сожженных святилищ,  
Чаши золотые, престолы богов, и  
убранства, и ризы  
В грудях лежали; младенцы и  
бледные матери длинным  
Строем стояли вблизи.  
Презря меня окружавшую гибель,  
дерзнул я во мраке  
Голос возвысить; печальный мой  
клик раздавался по стогнам.  
«Где ты, Креуза?» – взывал я, взы-

вал... но было напрасно.  
В яростном горе по грудам разру-  
шенных зданий я бегал.  
Вдруг перед очи мои появилась  
призраком, легкой  
Тенью она... и казалась возвышен-  
ней прежнего станом.  
Я ужаснулся, волосы дыбом, голос  
мой замер.  
Тихо с улыбкой, смиряющей душу,  
сказала Креуза:  
«Тщетной заботе почто преда-  
ешься, безумно печалась?  
О Эней, о сладостный друг, не без  
воли бессмертных  
Было оно: мне не должно идти за  
тобой из Пергама;  
То запрещает владыка небес, гро-  
модержец Юпитер.  
Долго изгнанником будешь браз-  
дить беспредельное море;  
Там в Геснерии, где волны Лидий-  
ского Тибра по тучным,  
Людным равнинам обильно-мед-  
лительным током лиются,  
Светлое счастье, и царский венец,  
и невесту царевну  
Ты обретешь. Не томи ж по Кре-

узе утраченной сердца;  
Нет! ни дверей мирмидона, ни  
пышных чертогов долопа  
Я не увижу; не буду рабынею ма-  
тери грека,  
Дочь Дардании, вечной Венеры  
невестка...  
Быть при себе мне судила великая  
мать бессмертных.  
Ты же прости; поминай о супруге  
любовию к сыну».  
Смолкла и тихо со мной, пролива-  
ющим слезы, рассталась;  
Много хотел я сказать, но она  
улетела; трикраты  
Я за летящею тению руки про-  
стер, и трикраты  
Легкая тень из напрасно объем-  
лющих рук ускользнула,  
Словно как веющий воздух, словно  
как сон мимолетный.  
Так миновалася ночь; возвраща-  
юсь к товарищам бегства;  
Много толпою притекших из  
Трои спутников новых  
Там нахожу, изумленный: мате-  
ри, мужи, младенцы,  
Жалкий народ беглецов, невоз-

вратно утратив отчизну,  
С бедным остатком сокровищ,  
теснилися там, приготовясь  
Вместе со мной за морями ис-  
кать обреченного берега.  
И уже восходил над горой свето-  
носный Люцифер,  
Юного дня благовестник, и все во-  
рота Илиона  
Заперты были врагом... упование  
исчезло! судьбине  
Я уступил и Анхиза понес на высо-  
кую Иду.